

ИЗ БОЯ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Телеграмма была короткой; «Встречайте девятнадцатого, рейс четыреста семь. Ольга»

Ждем дорогую гостью, гадаем, как встретить:

— Надо бы детям сообщить, — говорю жене. — Да всей семьей в аэропорт. Самолет поздно ночью прибывает, а человек с другого края земли летит!

— И то правда — поддержала жена. — Надо встретить по настоящему...

— Может, еще и оркестр пригласить, — усмехнулся сосед. — Где им, молодым, понять нас,

когда-то переживших то страшное время.

— А что? Эта женщина заслуживает, чтобы с почестями встретить — я сделал вид, что не понял его иронии.

Она постучала внезапно, на сутки раньше. Постучала сорок с лишним лет спустя, после того, как я последний раз видел ее брата. Она прочла мое объявление о поиске фронтовых товарищей в «Хабаровской неделе» и вот решила приехать в Пензу.

Ее брата Сергея Куйсали из села Булавы, что на берегу Амура, я встретил в самом начале войны, когда после полковой школы завершал учебу. Вместе попали в третий взвод третьей пулеметной роты.

Сергей служил уже второй год, имел сержантское звание. Его назначили к нам командиром отделения. Что-то было общее в наших характерах и привычках, и мы скоро с ним сошлись, стали хорошими друзьями.

Служба мне давалась с трудом, непросто было привыкать к солдатскому ремеслу. Особенно беспомощным я чувствовал себя на штурмовой полосе. Вот уже почти год служил, а преодолеть этот злополучный частокол никак не мог. Разгонюсь, подскочу и обязательно зацеплюсь одеждой за колья.

— Я прыгаю, и ты должен прыгать. У тебя не получается не

потому, что не можешь, а потому, что трусишь.

Сергею было хорошо так говорить: он всю тайгу исходил. Но вот меня избирают секретарем комсомольской организации роты. Теперь Сергей, как говорят, не выпускал меня из своих рук:

- Не хорошо! Ай, как не хорошо! — говорил он. — Комсорг должен пример подавать, а он забора боится... Будем учиться! Стыдно мне за тебя, комсорг.

И мы стали учиться. Всем курсантам — свободный час, а мы с Сергеем к озеру бежим да через пеньки и кустики скачем. Сначала — которые пониже, а потом все выше и выше. Так до семи потов!

Как-то уже в конце учебы по тревоге совершили марш-бросок и, отмахав километров сорок, очутились в морозной, заснеженной тайге. Вспоминаю теперь и думаю: не окажись тогда рядом с нами Сергея — плохо бы многим пришлось. Перво-наперво, когда нам скомандовали «большой» привал среди белого безмолвия, и мы мешками попадали на обжигающий холодом снег, Сергей немедленно поднял всех и потребовал, чтобы мы сняли сапоги.

Мой большой палец на правой ноге был похож на белую капустную кочерыжку. Сергей схватил мою «лапу» и стал так растирать ее снегом, что я испугался: ну, думаю, оставаться мне без ноги. А он все тер и тер, сначала снегом, потом полкой шинели и так до тех пор, пока я не почувствовал боль. К счастью, легко обморозился.

А как мы потом целую неделю жили почти под открытым небом! Нисколько не погрешу против правды, если скажу, что выжить нам помог своим опытом наш командир отделения Сергей Куйсали. Кажется, просто: кругом лес, сооружай шалаши, разводи кострища. Нет, когда у тебя только маленькая саперная лопатка, а кругом белый мрак, не особенно размахнешься. Сергей и сам работал, засучив рукава, и нас так увлек, что мы и соорудили хорошее укрытие, и сумели обогреться.

...И вот мы на фронте. Танковая колонна двигалась на исходную позицию. Десантники напряженно вглядывались вперед, туда, где шел бой. Не заметили, как над колонной развернулось несколько вражеских бомбардировщиков. Вдруг один из них, как мне показалось, стал падать прямо на наш танк. Вой, сухой треск крупнокалиберных пулеметов, грохот разрывов, и, главное, эти оторвавшиеся от желтого брюха два черных шарика, с нарастающим свистом приближающиеся к нам. Я сжался и пополз с танка.

Сергей (он был рядом со мной на одном танке) схватил меня за шиворот, как кутенка, и, не

— дав скатиться, придавил своим телом к жалюзиям, приговаривая:

— Ничего, брат! Ничего! Эта со всяким первый раз бывает под бомбежкой! Не каждая бомба летит в цель!

Подбодрил он меня, а точнее, удержал от позора, и мне страшно стыдно стало за свою минутную слабость. И когда бомбы ухнули почти рядом, я с благодарностью поглядел на друга; он не только удержал меня от постыдного поступка, но и прикрыл от беды своим телом.

Потом я не раз еще видел Сергея в трудных ситуациях, когда вел он себя молодцом.

Об одном сражении, на так называемом «второстепенном» направлении, я не могу не рассказать. Семь тысяч солдат сложили головы в нем, за один совсем не большой населенный пункт Карманово, что под Ржевом, о котором и в сводке Информбюро упомянули лишь вскользь.

Танк, на котором находился Сергей со своими автоматчиками, далеко вырвавшись вперед, первым оказался в населенном пункте.

Вражеский снаряд ударил в башню. Танк загорелся.

— К бою! — скомандовал Сергей, — и автоматчики вместе с танкистами, заняв круговую оборону, в упор расстреливали фашистов. Три немецких танка пылали перед ними.

— Вперед, за Родину! — крикнул Сергей. Выскочил из-за подбитого танка и бросился на врагов, увлекая за собой бойцов взвода.

Вражеский снаряд разорвался совсем рядом с ним. Ударной волной Сергея бросило на землю.

Когда подросли основные силы, и мы нашли Сергея, он был жив. Гимнастерка его была в крови, и казалось, что собери все индивидуальные пакеты во взводе, и то не хватит: вся спина в осколках.

Это был наш последний совместный с Сергеем бой. Много лет спустя я узнал, что он скончался от ран в госпитале.

Наша встреча с сестрой Сергея началась с того, что мы посетили мемориал Славы на проспекте Победы в Пензе. Ольга уверена, что священная земля, привезенная сюда с мест боев к открытию памятника, это оттуда, с неизвестной могилы ее брата.

М. Кириков,
Подполковник в отставке.